

Рикардо

Давид

Ricardo David

(1772 — 1823)

Возможно, за исключением Карла Маркса, нет великого экономиста прошлого, которого столь по-разному и даже противоположным образом интерпретировали, как Давида Рикардо. Как только появились его «Принципы политической экономии и налогообложения» (*Principles of Political Economy and Taxation*, 1817), он привлек множество страстных приверженцев, которые провозгласили его основателем новой строгой науки политической экономии. Вскоре, однако, появилось еще большее количество противников, которые боролись (не всегда успешно) за избавление от огромного влияния Рикардо на экономическое мышление того времени. В основном учебнике по экономике середины XIX века — «Принципах политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1848) Джона Стюарта Милля — была вновь отдана дань гению Рикардо и сохранена его репутация для еще одного поколения исследователей. С началом «маржинальной революции» в 1870-е годы звезда Рикардо стала идти к закату, и многие теперь соглашались с Дживонсом*, что «он направил поезд экономической науки по ложному пути». Тот факт, что Маркс провозгласил Рикардо своим интеллектуальным учителем, пожалуй, способствовал ускорению антирикардрианской тенденции, и даже благородные усилия Маршалла в его «Принципах экономической науки» (*Principles*

of Economics, 1890) по представлению убедительнейших аргументов в поддержку Рикардо не смогли остановить падение его репутации.

Однако возвращение Рикардо состоялось в наши дни. Одной из многих характеристик мышления Рикардо, ставившего в тупик поколения читателей, была его привычка выражать все свои экономические переменные в единицах «неизменной меры ценности» — гипотетического мерила, которое, по признанию самого Рикардо, как таковое не существовало и не могло существовать. Но в 1960 году Пьеро Сраффа опубликовал небольшую книгу под названием «Производство товаров с помощью других товаров» (*Production of Commodities by Means of Commodities*), предназначенную для того, чтобы показать, что Рикардо был прав, когда измерял цены с помощью мерила, которое делало все цены независимыми от изменений прибыли и заработной платы. Это реабилитировало Рикардо как ученого, указавшего на важнейшую истину: вопреки современному учению, существует возможность отделить определение товарных цен от определения факторных цен, и есть даже контекст, в котором можно сказать, что логически второе предшествует первому. Новую интерпретацию Рикардо, данную Сраффой — ученым, который был редактором сборника «Сочинения и переписка Давида Рикардо» (*The Works and Correspondence of David Ricardo*, 1951–55) — нельзя было игнорировать.

Экономистам-марксистам потребовалось немного времени, чтобы осознать значимость этого сраффианского прочтения Рикардо. Они говорят, что история экономической мысли имеет два больших направления. Одно из них — подход с точки зрения общего равновесия, идущий от Джевонса, Вальраса и даже Маршалла к таким современным экономистам, как Фридмен и Самуэльсон, в рамках которого все важные экономические переменные определяются взаимно и одновременно. Другое направление — подход Рикардо-Маркса-Сраффы, в рамках которого распределение предшествует ценообразованию, а все экономические переменные определяются последовательно через причинно-следственные связи, начинающиеся от реальной заработной платы и, следовательно, отношений власти между капиталом и трудом. Таким образом, 160 лет спустя после смерти, Рикардо, самый буржуазный из всех буржуазных экономистов, вернулся в науку как один из от-

цов-основателей марксистской экономической теории. Таковы странные изгибы и повороты интеллектуальной истории.

Рикардо родился в Лондоне и был третьим ребенком в сефардической еврейской семье, эмигрировавшей из Голландии в 1760 году. В возрасте 14 лет он начал работать на своего отца, который стал успешно играть на фондовой бирже. В возрасте 21 года он женился на дочери квакера вопреки воле своих родителей, которые немедленно лишили его наследства. Будучи вынужденным содержать себя самостоятельно, он вскоре сколотил небольшое состояние, спекулируя ценными бумагами и посредничая в заключении кредитных договоров. В 1814 году, в возрасте 42 лет, он ушел из бизнеса, купил поместье Гэткомб Парк в Глостершире (теперь этим поместьем владеет и там же живет Ее Королевское Высочество принцесса Анна) и посвятил себя литературным занятиям.

Рикардо начал проявлять интерес к экономической науке в 1799 году, когда ему случайно попался экземпляр «Богатства народов» (*Wealth of Nations*) Адама Смита. Десять лет спустя он впервые опубликовался, напечатав в газете статью, посвященную дискуссии о слитках. Эта статья была позднее расширена до убедительного памфлета, названного «Высокая цена золотых слитков: доказательство обесценивания банкнот» (*The High Price of Bullions: The Proof of the Depreciation of Bank Notes*, 1810). В Отчете Комитета по ценным металлам, появившемся в следующем году, было выражено согласие с Рикардо по поводу того, что текущая инфляция была вызвана неспособностью Банка Англии ограничить выпуск банкнот. Известность этого отчета придала такой престиж брошюре Рикардо, что поздние комментаторы неправильно приписывали Рикардо тот факт, что он якобы вдохновил написание этого отчета.

В 1814 году он переключил свое внимание на торговую политику и год спустя опубликовал важную работу «Очерк о влиянии низкой цены зерна на доходность капитала» (*Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock*, 1815), которая заложила то, что вскоре стало одним из краеугольных камней классической политической экономии — закон убывающей отдачи от приращений капитала и труда, примененных к фиксированным участкам земли. Два года спустя он расширил этот памфлет до крупного трактата «О принципах политической экономии и налогооб-

ложения» (*On the Principles of Political Economy and Taxation*, 1817). В 1819 году он получил место в Палате Общин и в течение нескольких следующих лет принимал активное участие в парламентских дискуссиях по текущим проблемам.

Умер Рикардо от церебральной инфекции в 1823 году, оставив жену, семерых детей и состояние, оцененное в 750 000 ф. ст. (что эквивалентно сегодняшним 75 млн. ф. ст.). Может быть, Рикардо — самый великий из всех когда-либо живших экономистов, а, возможно, и нет, но уж точно он был самым богатым из них.

Интеллектуальная привлекательность Рикардо тогда и теперь обусловлена его впечатляющим даром к смелым абстракциям: он объединял широкий круг важных проблем посредством простой аналитической модели, включавшей всего несколько стратегических переменных и после элементарных манипуляций приводившей к впечатляющим выводам, имевшим, несомненно, практическое значение. Короче говоря, он был первым, кто овладел искусством, которое позднее принесло успех Кейнсу. Это был стиль мышления, заметно отличавшийся от стиля Адама Смита, и он устанавливал совершенно новый стандарт для экономического дискурса.

В центре рикардрианской аргументации находится идея о том, что экономический рост должен рано или поздно иссякнуть из-за редкости земли. В простой версии его модели, изложенной в «Очерке» 1815 года, вся экономика рассматривается как гигантская ферма, распределяющая свой продукт между землевладельцами, фермерами-арендаторами и наемными работниками. Мальтузианская тенденция роста населения до пределов, задаваемых предложением продовольствия, обеспечивает неограниченное предложение труда, который можно нанять при постоянной реальной заработной плате, зафиксированной в единицах зерна (или пшеницы). Это, конечно, печально известный «железный закон заработной платы», который отстаивался Рикардо со значительными оговорками. Каждый работник оснащен одним и тем же количеством основного капитала (например, лопатой), которое комбинируется с каждым работником в одной той же пропорции и поэтому также может быть выражено в единицах зерна. Иными словами, зерно — единственный вид продукции, выпускаемой гигантской фермой, а также единственный вид ресурсов, затрачиваемых в виде семян и продуктов питания для поддержания жизни работников. По мере

роста численности рабочей силы дополнительное зерно, необходимое для питания дополнительных работников, может быть произведено лишь посредством обработки менее плодородных земельных участков или применения дополнительных единиц капитала и труда к уже обрабатываемым земельным участкам с убывающей отдачей. Разница между чистым выпуском зерна каждым работником на наименее плодородном земельном участке и его постоянной заработной платой достается фермеру-арендатору в виде прибыли. Поскольку фермеры конкурируют друг с другом за лучший земельный участок, реальное преимущество от работы с таким участком достается землевладельцу в форме растущей ренты. По мере использования большего числа земельных участков чистый продукт в расчете на одного работника уменьшается, тогда как реальная заработная плата остается постоянной; очевидно, прибыль, приходящаяся на одного работника, также снижается. В то же время выраженная в зерне ценность капитала каждого работника увеличивается, поскольку производство зерна постоянно дорожает в единицах используемых реальных ресурсов. Разделим приходящуюся на одного работника падающую прибыль на возрастающий капитал одного работника, и получим, что норма прибыли на капитал, предоставляющая мотив для инвестиций, падает.

В книге «Принципы» эта простая односекторная модель была заменена трехсекторной моделью, но аргументация и полученные выводы были по существу теми же самыми. Очевидно, что краткосрочное решение проблемы, связанной с убывающей урожайностью пшеницы на один акр земли, состоит в импорте пшеницы из других стран, лучше обеспеченных плодородной землей, в обмен на производимые внутри страны продукты обрабатывающей промышленности. Не удивительно, что Рикардо решительно нападал на тогдашние законы о зерне, которые защищали британских фермеров, выращивавших пшеницу, запретом на ввоз иностранной пшеницы, отменявшимся только в годы очень высоких цен.

Желая показать, что Великобритания выиграет от специализации на производстве товаров обрабатывающей промышленности и импорта большей части своего продовольствия, он выступил с доктриной сравнительных издержек, которая явилась наиболее долгодействующим по значению вкладом Рикардо в экономическую науку: в условиях свободной торговли каждая страна обнаружива-

ет, что выгодно экспортировать не только те товары, которые она может произвести дешевле других стран, но и те товары, которые она может произвести дешевле *по сравнению* с импортируемыми товарами. Даже когда эта страна производит все дороже, чем любая другая страна, существуют выгоды, которые можно получить от международной торговли, и не только для рассматриваемой страны, но и для всех стран, взятых вместе. Здесь первоисточник всей доктрины свободной торговли XIX века! Хотя хлебные законы в действительности не отменялись до 1846 года — в течение еще 23 лет после смерти Рикардо — его труды помогли сделать свободную торговлю широко декларируемой целью британской политики. Невольно Рикардо представил теоретическое обоснование для решения проблемы роста в длительном периоде, которое Британия фактически взяла на вооружение в XIX веке: Британия стала «мастерской мира» и начала закупать большую часть своего продовольствия за рубежом.

Литература

О. St Clair, *A Key to Ricardo* (Augustus M. Kelly, 1957); М. Blaug, *Ricardian Economics. A Historical Study* (Greenwood Press, 1973); В. Gordon, *Ricardo in Parliament, 1819–23* (Barnes & Noble, 1977); S. Hollander, *The Economics of David Ricardo* (University of Toronto Press, 1979).